

THERE WERE ninety-seven New York advertising men in the hotel, and, the way they were monopolizing the long-distance lines, the girl in 507 had to wait from noon till almost two-thirty to get her call through. She used the time, though. She read an article in a women's pocket-size magazine, called "Sex Is Fun-or Hell." She washed her comb and brush. She took the spot out of the skirt of her beige suit. She moved the button on her Saks blouse. She tweezed out two freshly surfaced hairs in her mole. When the operator finally rang her room, she was sitting on the window seat and had almost finished putting lacquer on the nails of her left hand.

She was a girl who for a ringing phone dropped exactly nothing. She looked as if her phone had been ringing continually ever since she had reached puberty.

With her little lacquer brush, while the phone was ringing, she went over the nail of her little finger, accentuating the line of the moon. She then replaced the cap on the bottle of lacquer and, standing up, passed her left--the wet--hand back and forth through the air. With her dry hand, she picked up a congested ashtray from the window seat and carried it with her over to the night table, on which the phone stood. She sat down on one of the made-up twin beds and--it was the fifth or sixth ring--picked up the phone.

"Hello," she said, keeping the fingers of her left hand outstretched and away from her white silk dressing gown, which was all that she was wearing, except mules--her rings were in the bathroom.

"I have your call to New York now, Mrs. Glass," the operator said. "Thank you," said the girl, and made room on the night table for the ash-tray.

A woman's voice came through.

"Muriel? Is that you?"

The girl turned the receiver slightly away from her ear.

"Yes, Mother. How are you?" she said.

"I've been worried to death about you. Why haven't you phoned?"

Are you all right?"

"I tried to get you last night and the night before.

The phone here's been--"

"Are you all right, Muriel?"

The girl increased the angle between the receiver and her ear.

"I'm fine. I'm hot. This is the hottest day they've had in Florida in--"

"Why haven't you called me? I've been worried to--"

"Mother, darling, don't yell at me. I can hear you beautifully," said the girl. "I called you twice last night. Once just after--"

"I told your father you'd probably call last night. But, no, he had to--Are you all right, Muriel? Tell me the truth."

"I'm fine. Stop asking me that, please."

"When did you get there?"

"I don't know. Wednesday morning, early."

"Who drove?"

"He did," said the girl. "And don't get excited. He drove very nicely. I was amazed."

"He drove? Muriel, you gave me your word of--"

"Mother," the girl interrupted, "I just told you. He drove very nicely. Under fifty the whole way, as a matter of fact."

"Did he try any of that funny business with the trees?"

"I said he drove very nicely, Mother. Now, please. I asked him to stay close to the white line, and all, and he knew what I meant, and he did. He was even trying not to look at the trees--you could tell. Did Daddy get the car fixed, incidentally?"

"Not yet. They want four hundred dollars, just to--"

"Mother, Seymour told Daddy that he'd pay for it. There's no reason for--"

"Well, we'll see. How did he behave--in the car and all?"

В гостинице жили девяносто семь нью-йоркцев, агентов по рекламе, и они так загрузили междугородный телефон, что молодой женщине из 507-го номера пришлось ждать полдня, почти до половины третьего, пока ее соединили. Но она не теряла времени зря. Она прочла статейку в женском журнальчике -- карманный формат! -- под заглавием "Секс -- либо радость, либо -- ад! ". Она вывела пятнышко с юбки от бежевого костюма. Она переставила пуговку на готовой блузке. Она выщипнула два волосика, выросшие на родинке. И когда телефонистка наконец позвонила, она, сидя на диванчике у окна, уже кончала покрывать лагом ногти на левой руке.

Но она была не из тех, кто бросает дело из-за какого-то телефонного звонка. По ее виду можно было подумать, что телефон так и звонил без перерыва с того дня, как она стала взрослой.

Телефон звонил, а она наносила маленькой кисточкой лак на ноготь мизинца, тщательно обводя лунку. Потом завинтила крышку на бутылочке с лаком и, встав, помахала в воздухе левой, еще не просохшей рукой. Другой, уже просохшей, она взяла переполненную пепельницу с диванчика и перешла с ней к ночному столику -- телефон стоял там. Сев на край широкой, уже оправленной кровати, она после пятого или шестого сигнала подняла телефонную трубку.

-- Алло, -- сказала она, держа поодаль растопыренные пальчики левой руки и стараясь не касаться ими белого шелкового халатика, -- на ней больше ничего, кроме туфель, не было -- кольца лежали в ванной.

-- Да Нью-Йорк, миссис Гласс, -- сказала телефонистка.

-- Хорошо, спасибо, -- сказала молодая женщина и поставила пепельницу на ночной столик.

Послышался женский голос:

-- Мюриель? Это ты?

Молодая особа отвела трубку от уха:

-- Да, мама. Здравствуй, как вы все поживаете?

-- Безумно за тебя волнуюсь. Почему не звонила? Как ты, Мюриель?

-- Я тебе пробовала звонить и вчера, и позавчера вечером.

Но телефон тут...

-- Ну, как ты, Мюриель?

Мюриель еще немного отодвинула трубку от уха:

-- Чудесно. Только жара ужасающая. Такой жары во Флориде не было уже...

-- Почему ты не звонила? Я волновалась, как...

-- Mamochka, milaia, ne krichi na menia, ia velikolepno tebia slyshu. Ia pytalas' dozvonit'sia dva raza. I srazu posle...

-- Я уже говорила папе вчера, что ты, наверно, будешь вечером звонить. Нет, он все равно... Скажи, как ты, Мюриель? Только правду!

-- Да все чудесно. Перестань спрашивать одно и то же...

-- Когда вы приехали?

-- Не помню. В среду утром, что ли.

-- Кто вел машину?

-- Он сам, -- ответила дочь. -- Только не ахай. Он правил осторожно. Я просто удивилась.

-- Он сам правил? Но, Мюриель, ты мне дала честное слово...

-- Мама, я же тебе сказала, -- перебила дочь, -- он правил очень осторожно. Кстати, не больше пятидесяти в час, ни разу...

-- А он не фокусничал -- ну, помнишь, как тогда, с деревьями?

-- Mamochka, ia zhe tebe govoriu -- on pravil ochen' ostorozhno.

Перестань, пожалуйста. Я его просила держаться посреди дороги, и он послушался, он меня понял. Он даже старался не смотреть на деревья, видно было, как он старается. Кстати, папа уже отдал ту машину в ремонт?

-- Нет еще. Запросили четыреста долларов за одну только...

-- Но, мамочка, Симор обещал папе, что он сам заплатит. Не понимаю, чего ты...

-- Посмотрим, посмотрим. А как он себя вел в машине и

"All right," said the girl.
"Did he keep calling you that awful--"
"No. He has something new now."
"What?"
"Oh, what's the difference, Mother?"
"Muriel, I want to know. Your father--"
"All right, all right. He calls me Miss Spiritual Tramp of 1948," the girl said, and giggled.
"It isn't funny, Muriel. It isn't funny at all. It's horrible. It's sad, actually. When I think how--"

"Mother," the girl interrupted, "listen to me. You remember that book he sent me from Germany? You know--those German poems. What'd I do with it? I've been racking my--"
"You have it."
"Are you sure?" said the girl.
"Certainly. That is, I have it. It's in Freddy's room. You left it here and I didn't have room for it in the--Why? Does he want it?"
"No. Only, he asked me about it, when we were driving down. He wanted to know if I'd read it."
"It was in German!"
"Yes, dear. That doesn't make any difference," said the girl, crossing her legs. "He said that the poems happen to be written by the only great poet of the century. He said I should've bought a translation or something. Or learned the language, if you please."

"Awful. Awful. It's sad, actually, is what it is. Your father said last night--"

"Just a second, Mother," the girl said. She went over to the window seat for her cigarettes, lit one, and returned to her seat on the bed. "Mother?" she said, exhaling smoke.
"Muriel. Now, listen to me."
"I'm listening."
"Your father talked to Dr. Sivetski."
"Oh?" said the girl.
"He told him everything. At least, he said he did--you know your father. The trees. That business with the window. Those horrible things he said to Granny about her plans for passing away. What he did with all those lovely pictures from Bermuda--everything."

"Well?" said the girl.
"Well. In the first place, he said it was a perfect crime the Army released him from the hospital--my word of honor. He very definitely told your father there's a chance--a very great chance, he said--that Seymour may completely lose control of himself. My word of honor."

"There's a psychiatrist here at the hotel," said the girl.
"Who? What's his name?"
"I don't know. Rieser or something. He's supposed to be very good."
"Never heard of him."
"Well, he's supposed to be very good, anyway."
"Muriel, don't be fresh, please. We're very worried about you. Your father wanted to wire you last night to come home, as a matter of f--"

"I'm not coming home right now, Mother. So relax."
"Muriel. My word of honor. Dr. Sivetski said Seymour may completely lose control--"
"I just got here, Mother. This is the first vacation I've had in years, and I'm not going to just pack everything and come home," said the girl. "I couldn't travel now anyway. I'm so sunburned I can hardly move."

"You're badly sunburned? Didn't you use that jar of Bronze I put in your bag? I put it right--"
"I used it. I'm burned anyway."
"That's terrible. Where are you burned?"
"All over, dear, all over."
"That's terrible."
"I'll live."
"Tell me, did you talk to this psychiatrist?"
"Well, sort of," said the girl.

вообще?

-- Хорошо! -- сказала дочь.
-- Он тебя не называл этой ужасной кличкой?..
-- Нет. Он меня зовет по-новому.
-- Как?
-- Да не все ли равно, мама!
-- Мюриель, мне необходимо знать. Папа говорил...
-- Ну ладно, ладно! Он меня называет "Святой бродяжка выпуска 1948 года", -- сказала дочка и засмеялась.
-- Ничего тут нет смешного, Мюриель. Абсолютно не смешно. Это ужасно. Нет, это просто очень грустно. Когда подумаешь, как мы...
-- Мама, -- прервала ее дочь, -- погоди, послушай. Помнишь ту книжку, он ее прислал мне из Германии? Помнишь, какие-то немецкие стихи? Куда я ее девала? Ломаю голову и не могу...
-- Она у тебя.
-- Ты уверена?
-- Конечно. То есть она у меня. У Фредди в комнате. Ты ее тут оставила, а места в шкафу... В чем дело? Она ему нужна?
-- Нет. Но он про нее спрашивал по дороге сюда. Все попытывался -- читала я ее или нет.
-- Но книга н е м е ц к а я!
-- Да, мамочка. А ему все равно, -- сказала дочь и закинула ногу на ногу. -- Он говорит, что стихи написал единственный великий поэт нашего века. Он сказал: надо было мне хотя бы достать перевод. Или выучить немецкий -- вот, пожалуйста!
-- Ужас. Ужас! Нет, это так грустно... Папа вчера говорил...
-- Одну секунду, мамочка! -- сказала дочь. Она пошла к окну -- взять сигареты с диванчика, закурила и снова села на кровать. -- Мама? -- сказала она, выпуская дым.
-- Мюриель, выслушай меня внимательно.
-- Слушаю.
-- Папа говорил с доктором Сиветским...
-- Ну? -- сказала дочь.
-- Он все ему рассказал. По крайней мере, так он мне говорит, но ты знаешь папу. И про деревья. И про историю с окошком. И про то, что он сказал бабушке, когда она обсуждала, как ее надо будет хоронить, и что он сделал с этими чудными цветными открыточками, помнишь, Бермудские острова, словом, про все.
-- Ну? -- сказала дочь.
-- Ну и вот. Во-первых, он сказал -- сущее преступление, что военные врачи выпустили его из госпиталя, честное слово! Он определенно сказал папе, что не исключено, никак не исключено, что Симор совершенно может потерять способность владеть собой. Честное благородное слово.
-- А здесь в гостинице есть психиатр, -- сказала дочь.
-- Кто? Как фамилия?
-- Не помню. Ризер, что ли. Говорят, очень хороший врач.
-- Ни разу не слыхала!
-- Это еще не значит, что он плохой.
-- Не дерзи мне, Мюриель, пожалуйста! Мы ужасно за тебя волнуемся. Папа даже хотел дать тебе вчера телеграмму, чтобы ты вернулась домой, и потом...
-- Нет, мамочка, домой я пока не вернусь, успокойся!
-- Мюриель, честное слово, доктор Сиветский сказала, что Симор может окончательно потерять...
-- Мама, мы только что приехали. За столько лет я в первый раз по-настоящему отдыхаю, не стану же я хватать вещички и лететь домой. Да я и не могла бы сейчас ехать. Я так обожглась на солнце, что еле хожу.
-- Ты обожглась? И сильно? Отчего же ты не мазалась "Бронзовым кремом" -- я тебе положила в чемодан? Он в самом...
-- Мазалась, мазалась. И все равно сожглась.
-- Вот ужас! Где ты обожглась?
-- Вся, мамочка, вся, с ног до головы.
-- Вот ужас!
-- Ничего, выживу.
-- Скажи, а ты говорила с этим психиатром?
-- Да, немножко.

"What'd he say? Where was Seymour when you talked to him?"

"In the Ocean Room, playing the piano. He's played the piano both nights we've been here."

"Well, what'd he say?"

"Oh, nothing much. He spoke to me first. I was sitting next to him at Bingo last night, and he asked me if that wasn't my husband playing the piano in the other room. I said yes, it was, and he asked me if Seymour's been sick or something. So I said--"

"Why'd he ask that?"

"I don't know, Mother. I guess because he's so pale and all," said the girl. "Anyway, after Bingo he and his wife asked me if I wouldn't like to join them for a drink. So I did. His wife was horrible. You remember that awful dinner dress we saw in Bonwit's window? The one you said you'd have to have a tiny, tiny--"

"The green?"

"She had it on. And all hips. She kept asking me if Seymour's related to that Suzanne Glass that has that place on Madison Avenue--the millinery."

"What'd he say, though? The doctor."

"Oh. Well, nothing much, really. I mean we were in the bar and all. It was terribly noisy."

"Yes, but did--did you tell him what he tried to do with Granny's chair?"

"No, Mother. I didn't go into details very much," said the girl. "I'll probably get a chance to talk to him again. He's in the bar all day long."

"Did he say he thought there was a chance he might get--you know--funny or anything? Do something to you!"

"Not exactly," said the girl. "He had to have more facts, Mother. They have to know about your childhood--all that stuff. I told you, we could hardly talk, it was so noisy in there."

"Well. How's your blue coat?"

"All right. I had some of the padding taken out."

"How are the clothes this year?"

"Terrible. But out of this world. You see sequins--everything," said the girl.

"How's your room?"

"All right. Just all right, though. We couldn't get the room we had before the war," said the girl. "The people are awful this year. You should see what sits next to us in the dining room. At the next table. They look as if they drove down in a truck."

"Well, it's that way all over. How's your ballerina?"

"It's too long. I told you it was too long."

"Muriel, I'm only going to ask you once more--are you really all right?"

"Yes, Mother," said the girl. "For the ninetyeth time."

"And you don't want to come home?"

"No, Mother."

"Your father said last night that he'd be more than willing to pay for it if you'd go away someplace by yourself and think things over. You could take a lovely cruise. We both thought--"

"No, thanks," said the girl, and uncrossed her legs. "Mother, this call is costing a for--"

"When I think of how you waited for that boy all through the war--I mean when you think of all those crazy little wives who--"

"Mother," said the girl, "we'd better hang up. Seymour may come in any minute."

"Where is he?"

"On the beach."

"On the beach? By himself? Does he behave himself on the beach?"

"Mother," said the girl, "you talk about him as though he were a raving maniac--"

"I said nothing of the kind, Muriel."

"Well, you sound that way. I mean all he does is lie there. He won't take his bathrobe off."

"He won't take his bathrobe off? Why not?"

-- Что он сказал? И где в это время был Симор?

-- В Морской гостиной, играл на рояле. С самого приезда он оба вечера играл на рояле.

-- Что же сказал врач?

-- Ничего особенного. Он сам заговорил со мной. Я сидела рядом с ним -- мы играли в "бинго", и он меня спросил -- это ваш муж играет на рояле в той комнате? Я сказала да, и он спросил -- не болел ли Симор недавно? И я сказала...

-- А почему он вдруг спросил?

-- Не знаю, мам. Наверно, потому, что Симор такой бледный, худой. В общем после "бинго" он и его жена пригласили меня что-нибудь выпить. Я согласилась. Жена у него чудовище. Помнишь то жуткое вечернее платье, мы его видели в витрине у Бонуита? Ты еще сказала, что для такого платья нужна тоненькая-претоненькая...

-- То, зеленое?

-- Вот она и была в нем! А бедра у нее! Она все ко мне приставала -- не родня ли Симор той Сюзанне Гласс, у которой мастерская на Мэдисон-авеню -- шляпы!

-- А он то что говорил? Этот доктор?

-- Да так, ничего особенного. И вообще мы сидели в баре, шум ужасный.

-- Да, но все-таки ты ему сказала, что он хотел сделать с бабусиным креслом?

-- Нет, мамочка, никаких подробностей я ему не рассказывала. Но может быть, удастся с ним еще поговорить. Он целыми днями сидит в баре.

-- А он не говорил, что может так случиться -- ну в общем, что у Симона появятся какие-нибудь странности? Что это для тебя _о_п_а_с_н_о?

-- Да нет, -- сказала дочь. -- Видишь ли, мам, для этого ему нужно собрать всякие данные. Про детство и всякое такое. Я же сказала -- мы почти не разговаривали: в баре стоял ужасный шум.

-- Ну что ж... А как твоё синее пальтишко?

-- Ничего. Прокладку из-под плеч пришлось вынуть.

-- А как там вообще одеваются?

-- Ужасающе. Ни на что не похоже. Всюду блески -- бог знает что такое.

-- Номер у вас хороший?

-- Ничего. Вполне терпимо. Тот номер, где мы жили до войны, нам не достался, -- сказала дочь. -- Публика в этом году жуткая. Ты бы посмотрела, с кем мы сидим рядом в столовой. Прямо тут же, за соседним столиком. Вид такой, будто они приехали на грузовике.

-- Сейчас везде так. Юбочку носишь?

-- Она слишком длинная. Я же тебе говорила.

-- Мюриель, ответь мне в последний раз -- как ты? Все в порядке?

-- Да, мамочка, да! -- сказала дочка. -- В сотый раз -- да!

-- И тебе не хочется домой?

-- Нет, мамочка, нет!

-- Папа вчера сказал, что он готов дать тебе денег, чтобы ты уехала куда-нибудь одна и все хорошенько обдумала. Ты могла бы совершить чудесное путешествие на пароходе. Мы оба думаем, что тебе...

-- Нет, спасибо, -- сказала дочь и села прямо. -- Мама, этот разговор влетит в...

-- Только подумать, как ты ждала этого мальчишку всю войну, то есть только подумать, как все эти глупые молодые жены...

-- Мамочка, давай прекратим разговор. Симор вот-вот придет.

-- А где он?

-- На пляже.

-- На пляже? Один? Он себя прилично ведет на пляже?

-- Слушай, мама, ты говоришь про него, словно он буйно помешанный.

-- Ничего подобного, Мюриель, что ты!

-- Во всяком случае, голос у тебя такой. А он лежит на песке, и все. Даже халат не снимает.

-- Не снимает халат? Почему?

"I don't know. I guess because he's so pale."

"My goodness, he needs the sun. Can't you make him?"

"You know Seymour," said the girl, and crossed her legs again. "He says he doesn't want a lot of fools looking at his tattoo."

"He doesn't have any tattoo! Did he get one in the Army?"

"No, Mother. No, dear," said the girl, and stood up. "Listen, I'll call you tomorrow, maybe."

"Muriel. Now, listen to me."

"Yes, Mother," said the girl, putting her weight on her right leg.

"Call me the instant he does, or says, anything at all funny--you know what I mean. Do you hear me?"

"Mother, I'm not afraid of Seymour."

"Muriel, I want you to promise me."

"All right, I promise. Goodbye, Mother," said the girl. "My love to Daddy." She hung up.

"See more glass," said Sybil Carpenter, who was staying at the hotel with her mother. "Did you see more glass?"

"Pussycat, stop saying that. It's driving Mommy absolutely crazy. Hold still, please."

Mrs. Carpenter was putting sun-tan oil on Sybil's shoulders, spreading it down over the delicate, winglike blades of her back. Sybil was sitting insecurely on a huge, inflated beach ball, facing the ocean. She was wearing a canary-yellow two-piece bathing suit, one piece of which she would not actually be needing for another nine or ten years.

"It was really just an ordinary silk handkerchief--you could see when you got up close," said the woman in the beach chair beside Mrs. Carpenter's. "I wish I knew how she tied it. It was really darling."

"It sounds darling," Mrs. Carpenter agreed. "Sybil, hold still, pussy."

"Did you see more glass?" said Sybil.

Mrs. Carpenter sighed.

"All right," she said. She replaced the cap on the sun-tan oil bottle. "Now run and play, pussy. Mommy's going up to the hotel and have a Martini with Mrs. Hubbel. I'll bring you the olive."

Set loose, Sybil immediately ran down to the flat part of the beach and began to walk in the direction of Fisherman's Pavilion. Stopping only to sink a foot in a soggy, collapsed castle, she was soon out of the area reserved for guests of the hotel.

She walked for about a quarter of a mile and then suddenly broke into an oblique run up the soft part of the beach. She stopped short when she reached the place where a young man was lying on his back.

"Are you going in the water, see more glass?" she said.

The young man started, his right hand going to the lapels of his terry-cloth robe. He turned over on his stomach, letting a sausaged towel fall away from his eyes, and squinted up at Sybil.

"Hey. Hello, Sybil."

"Are you going in the water?"

"I was waiting for you," said the young man. "What's new?"

"What?" said Sybil.

"What's new? What's on the program?"

"My daddy's coming tomorrow on a nairiplane," Sybil said, kicking sand.

"Not in my face, baby," the young man said, putting his hand on Sybil's ankle. "Well, it's about time he got here, your daddy. I've been expecting him hourly. Hourly."

"Where's the lady?" Sybil said.

"The lady?" the young man brushed some sand out of his thin hair. "That's hard to say, Sybil. She may be in any one of a thousand places. At the hair-dresser's. Having her hair dyed mink. Or making dolls for poor children, in her room." Lying prone now, he made two fists, set one on top of the other, and rested his chin on the top one. "Ask me something else, Sybil," he said. "That's a fine bathing suit you have on. If there's one thing I like, it's a blue bathing suit."

-- Не знаю. Наверно, потому, что он такой бледный.

-- Боже мой! Но ведь ему необходимо солнце! Ты не можешь его заставить?

-- Ты же знаешь Симора, -- сказала дочь и снова скрестила ножки. -- Он говорит -- не хочу, чтобы всякие дураки глазели на мою татуировку.

-- Но у него же нет никакой татуировки! Или он в армии себе что-нибудь наколото?

-- Нет, мамочка, нет, миленькая, -- сказала дочь и встала.

-- Знаешь что, давай я тебе позвоню завтра.

-- Мюриель! Выслушай меня! Только внимательно!

-- Слушаю, мамочка! -- Она переступила с ноги на ногу.

-- В ту же секунду, как только он скажет или сделает что-нибудь странное, -- ну, ты меня понимаешь, немедленно звони! Слышишь?

-- Мама, но я не боюсь Симора!

-- Мюриель, дай мне слово!

-- Хорошо. Даю. До свидания, мамочка! Поцелуй папу. -- И она повесила трубку.

-- Сими Гласс, Семиглаз, -- сказала Сибилла Карпентер, жившая в гостинице со своей мамой. -- Где Семиглаз?

-- Кисонька, перестань, ты маму замучила. Стой смирно, слышишь?

Миссис Карпентер растирала маслом от загара плечики Сибиллы, спинку и худенькие, похожие на крылышки лопатки. Сибилла, кое-как удерживаясь на огромном, туго надутым мячике, сидела лицом к океану. На ней был желтенький, как канарейка, купальник -- трусики и лифчик, хотя в ближайшие девять-десять лет она еще прекрасно могла обойтись и без лифчика.

-- Обыкновенный шелковый платочек, но это заметно только вблизи, -- объясняла женщина, сидевшая в кресле рядом с миссис Карпентер. -- Интересно, как это она умудрилась так его завязать. Прелесть что такое.

-- Да, наверно, мило, -- сказала миссис Карпентер. -- Сибиллочка, кисонька, сиди смирно.

-- А где мой Семиглаз? -- спросила Сибилла.

-- Миссис Карпентер вздохнула.

-- Ну вот, -- сказала она. Она завинтила крышку на бутылочке с маслом. -- Беги теперь, киска, играй. Мамочка пойдет в отель и выпьет martini с миссис Хаббель. А оливку принесет тебе.

Выбравшись на волю, Сибилла стремглав добежала до пляжа, потом свернула к Рыбачьему павильону. По дороге она остановилась, брыкнула ножкой мокрый, развалившийся дворец из песка и скоро очутилась далеко от курортного пляжа.

Она прошла с четверть мили и вдруг понеслась бегом, прямо к дюнам на берегу. Она добежала до места, где на спине лежал молодой человек.

-- Пойдешь купаться, Сими Гласс? -- спросила она.

Юноша вздрогнул, схватился рукой за отвороты купального халата. Потом перевернулся на живот, и скрученное колбасой полотенце упало с его глаз. Он прищурился на Сибиллу.

-- А, привет, Сибиллочка!

-- Пойдешь купаться?

-- Только тебя и ждал, -- сказал тот. -- Какие новости?

-- Чего? -- спросила Сибилла.

-- Новости какие? Что в программе?

-- Мой папа завтра прилетит на ариплане! -- сказала Сибилла, подкидывая ножкой песок.

-- Только не мне в глаза, крошка! -- сказал юноша, придерживая Сибиллину ножку. -- Да, пора бы твоему папе приехать. Я его с часу на час жду. Да, с часу на час.

-- А где та тетя? -- спросила Сибилла.

-- Та тетя? -- Юноша стряхнул песок с негустых волос. --

Трудно сказать, Сибиллочка. Она может быть в тысяче мест. Скажем, у парикмахера. Красится в рыжий цвет. Или у себя в комнате -- шьет куклы для бедных деток. -- Он все еще лежал ничком и теперь, сжав кулаки, поставил один кулак на другой и оперся на него подбородком. -- Ты лучше спроси меня что-нибудь попроще, Сибиллочка, -- сказал он. -- До чего у тебя костюмчик красивый, прелесть. Больше всего на свете люблю синие

Sybil stared at him, then looked down at her protruding stomach. "This is a yellow," she said.

"This is a yellow."

"It is? Come a little closer."

Sybil took a step forward.

"You're absolutely right. What a fool I am."

"Are you going in the water?" Sybil said.

"I'm seriously considering it. I'm giving it plenty of thought, Sybil, you'll be glad to know."

Sybil prodded the rubber float that the young man sometimes used as a head-rest.

"It needs air," she said.

"You're right. It needs more air than I'm willing to admit." He took away his fists and let his chin rest on the sand. "Sybil," he said, "you're looking fine. It's good to see you. Tell me about yourself." He reached in front of him and took both of Sybil's ankles in his hands. "I'm Capricorn," he said. "What are you?"

"Sharon Lipschutz said you let her sit on the piano seat with you," Sybil said.

"Sharon Lipschutz said that?"

Sybil nodded vigorously.

He let go of her ankles, drew in his hands, and laid the side of his face on his right forearm. "Well," he said, "you know how those things happen, Sybil. I was sitting there, playing. And you were nowhere in sight. And Sharon Lipschutz came over and sat down next to me. I couldn't push her off, could I?"

"Yes."

"Oh, no. No. I couldn't do that," said the young man. "I'll tell you what I did do, though."

"What?"

"I pretended she was you."

Sybil immediately stooped and began to dig in the sand. "Let's go in the water," she said.

"All right," said the young man. "I think I can work it in."

"Next time, push her off," Sybil said. "Push who off?"

"Sharon Lipschutz."

"Ah, Sharon Lipschutz," said the young man. "How that name comes up. Mixing memory and desire." He suddenly got to his feet. He looked at the ocean. "Sybil," he said, "I'll tell you what we'll do. We'll see if we can catch a bananafish."

"A what?"

"A bananafish," he said, and undid the belt of his robe. He took off the robe. His shoulders were white and narrow, and his trunks were royal blue. He folded the robe, first lengthwise, then in thirds. He unrolled the towel he had used over his eyes, spread it out on the sand, and then laid the folded robe on top of it. He bent over, picked up the float, and secured it under his right arm. Then, with his left hand, he took Sybil's hand.

The two started to walk down to the ocean.

"I imagine you've seen quite a few bananafish in your day," the young man said.

Sybil shook her head.

"You haven't? Where do you live, anyway?"

"I don't know," said Sybil.

"Sure you know. You must know. Sharon Lipschutz knows where she lives and she's only three and a half."

Sybil stopped walking and yanked her hand away from him. She picked up an ordinary beach shell and looked at it with elaborate interest. She threw it down. "Whirly Wood, Connecticut," she said, and resumed walking, stomach foremost.

"Whirly Wood, Connecticut," said the young man. "Is that anywhere near Whirly Wood, Connecticut, by any chance?"

Sybil looked at him.

"That's where I live," she said impatiently. "I live in Whirly Wood, Connecticut." She ran a few steps ahead of him, caught up her left foot in her left hand, and hopped two or three times.

купальнички.

Сибилла посмотрела на него, потом -- на свой выпяченный животик.

-- А он желтый, -- сказала она, -- он вовсе желтый.

-- Правда? Ну-ка подойди!

-- Сибилла сделал шажок вперед.

-- Ты совершенно права. Дурак я, дурак!

-- Пойдешь купаться? -- спросила Сибилла.

-- Надо обдумать. Имей в виду, Сибиллочка, что я серьезно обдумываю это предложение.

-- Сибилла ткнула ногой надувной матрасик, который ее собеседник подложил под голову вместо подушки.

-- Надуть надо, -- сказала она.

-- Ты права. Вот именно -- надуть и даже сильнее, чем я намеревался до сих пор. -- Он вынул кулаки и уперся подбородком в песок. -- Сибиллочка, -- сказал он, -- ты очень красивая. Приятно на тебя смотреть. Расскажи мне про себя. -- Он протянул руки и обхватил Сибиллины щиколотки. -- Я козерог, -- сказал он. -- А ты кто?

-- Шэрон Липшюц говорила -- ты ее посади к себе на рояльную табуретку, -- сказала Сибилла.

-- Неужели Шэрон Липшюц так сказала?

Сибилла энергично закивала.

Он выпустил ее ножки, скрестил руки и прижался щекой к правому локтю.

-- Ничего не поделаешь, -- сказал он, -- сама знаешь, как этот бывает, Сибиллочка. Сижу, играю. Тебя нигде нет. А Шэрон Липшюц подходит и забирается на табуретку рядом со мной. Что же -- столкнуть ее, что ли?

-- Столкнуть.

-- Ну, нет. Нет! Я на это не способен. Но знаешь, что я сделал, угадай!

-- Что?

-- Я притворился, что это ты.

Сибилла сразу нагнулась и начала копать песок.

-- Пойдем купаться! -- сказала она.

-- Так и быть, -- сказал ее собеседник. -- Кажется, на это я способен.

-- В другой раз ты ее столкни! -- сказала Сибилла.

-- Кого это?

-- Ах, Шэрон Липшюц! Как это ты все время про нее вспоминаешь? Мечты и сны... -- Он вдруг вскочил на ноги, взглянул на океан. -- Слушай, Сибиллочка, знаешь, что мы сейчас сделаем. Попробуем поймать рыбку-бананку.

-- Кого?

-- Рыбку-бананку, -- сказал он и развязал полы халата. Он снял халат. Плечи у него были белые, узкие, плавки -- ярко-синие. Он сложил халат сначала пополам, в длину, потом свернул втрое. Развернув полотенце, которым перед тем закрывал себе глаза, он разостлал его на песке и положил на него свернутый халат. Нагнувшись, он поднял надувной матрасик и засунул его подмышку. Свободной левой рукой он взял Сибиллу за руку.

Они пошли к океану.

-- Ты-то уж наверняка не раз видела рыбок-бананок? -- спросил он.

Сибилла покачала головой.

-- Не может быть! Да где же ты живешь?

-- Не знаю! -- сказала Сибилла.

-- Как это не знаешь? не может быть! Шэрон Липшюц и то знает, где она живет, а ей тоже всего три с половиной!

Сибилла остановилась и выдернула руку. Потом подняла ничем не приметную ракушку и стала рассматривать с подчеркнутым интересом. Потом бросила ее.

-- Шошный лес, Коннетикат, -- сказала она и пошла дальше, выпятив животик.

-- Шошный лес, Коннетикат, -- повторил ее спутник. -- А это случайно не около Соснового леса, в Коннектикуте?

Сибилла посмотрела на него.

-- Я там живу! -- сказала она нетерпеливо. -- Я живу, шошный лес, Коннетикат. -- Она пробежала несколько шажков, подхватила левую ступню левой же рукой и запрыгала на одной

"You have no idea how clear that makes everything," the young man said.

Sybil released her foot.

"Did you read 'Little Black Sambo'?" she said.

"It's very funny you ask me that," he said. "It so happens I just finished reading it last night." He reached down and took back Sybil's hand. "What did you think of it?" he asked her.

"Did the tigers run all around that tree?"

"I thought they'd never stop. I never saw so many tigers."

"There were only six," Sybil said.

"Only six!" said the young man. "Do you call that only?"

"Do you like wax?" Sybil asked.

"Do I like what?" asked the young man.

"Wax."

"Very much. Don't you?"

Sybil nodded.

"Do you like olives?" she asked.

"Olives--yes. Olives and wax. I never go anyplace without 'em."

"Do you like Sharon Lipschutz?" Sybil asked.

"Yes. Yes, I do," said the young man. "What I like particularly about her is that she never does anything mean to little dogs in the lobby of the hotel. That little toy bull that belongs to that lady from Canada, for instance. You probably won't believe this, but some little girls like to poke that little dog with balloon sticks. Sharon doesn't. She's never mean or unkind. That's why I like her so much."

Sybil was silent.

"I like to chew candles," she said finally.

"Who doesn't?" said the young man, getting his feet wet. "Wow! It's cold." He dropped the rubber float on its back. "No, wait just a second, Sybil. Wait'll we get out a little bit."

They waded out till the water was up to Sybil's waist. Then the young man picked her up and laid her down on her stomach on the float.

"Don't you ever wear a bathing cap or anything?" he asked.

"Don't let go," Sybil ordered. "You hold me, now."

"Miss Carpenter. Please. I know my business," the young man said. "You just keep your eyes open for any bananafish. This is a perfect day for bananafish."

"I don't see any," Sybil said.

"That's understandable. Their habits are very peculiar." He kept pushing the float. The water was not quite up to his chest. "They lead a very tragic life," he said. "You know what they do, Sybil?"

She shook her head.

"Well, they swim into a hole where there's a lot of bananas. They're very ordinary-looking fish when they swim in. But once they get in, they behave like pigs. Why, I've known some bananafish to swim into a banana hole and eat as many as seventy-eight bananas." He edged the float and its passenger a foot closer to the horizon. "Naturally, after that they're so fat they can't get out of the hole again. Can't fit through the door."

"Not too far out," Sybil said. "What happens to them?"

"What happens to who?"

"The bananafish."

"Oh, you mean after they eat so many bananas they can't get out of the banana hole?"

"Yes," said Sybil.

"Well, I hate to tell you, Sybil. They die."

"Why?" asked Sybil.

"Well, they get banana fever. It's a terrible disease."

"Here comes a wave," Sybil said nervously.

"We'll ignore it. We'll snub it," said the young man. "Two snobs." He took Sybil's ankles in his hands and pressed down and forward. The float nosed over the top of the wave. The water soaked Sybil's blond hair, but her scream was full of pleasure.

ножке.

-- До чего ты все хорошо объяснила, просто прелесть, -- сказал ее спутник.

Сибилла выпустила ступню.

-- Ты читал "Негритенок Самбо"? -- спросила она.

-- Как странно, что ты меня об этом спросила, -- сказал ее спутник. -- Понимаешь, только вчера вечером я его дочитал. -- Он нагнулся, взял ручонку Сибиллы. -- Тебе понравилось? -- спросил он.

-- А тигры бегали вокруг дерева?

-- Да-а, я даже подумал: когда же они остановятся? В жизни не видел столько тигров.

-- Их всего шесть, -- сказала Сибилла.

-- Всего? -- переспросил он. -- По-твоему, это мало?

-- Ты любишь воск? -- спросила Сибилла.

-- Что? -- переспросил он.

-- Ну, воск.

-- Очень люблю. А ты?

Сибилла кивнула.

-- Ты любишь оливки? -- спросила она.

-- Оливки? Ну, еще бы! Оливки с воском. Я без них ни шагу!

-- Ты любишь Шэрон Липшюц? -- спросила девочка.

-- Да. Да, конечно, -- сказал ее спутник. -- И особенно я ее люблю за то, что она никогда не обижает маленьких собачек у нас в холле, в гостинице. Например, карликового бульдожку той дамы, из Канады. Ты, может быть, не согласишься, но есть такие девочки, которые любят тыкать этого бульдожку палками. А вот Шэрон -- никогда. Никого она не обижает, не дразнит. За это я ее люблю.

Сибилла помолчала.

-- А я люблю жевать свечки, -- сказала она наконец.

-- Это все любят, -- сказал ее спутник, пробуя воду ногой.

-- Ух, холодная! -- Он опустил надувной матрасик на воду. -- Нет, погоди, Сибиллочка. Давай пройдем подальше.

Они пошли вброд, пока вода не дошла Сибилле до пояса. Тогда юноша поднял ее на руки и положил на матрасик.

-- А ты никогда не носишь купальной шапочки, не закрываешь головку? -- спросил он.

-- Не отпускай меня! -- приказала девочка. -- Держи крепче!

-- Простите, мисс Карпентер. Я свое дело знаю, -- сказал ее спутник. -- А ты лучше смотри в воду, караул рыбку-бананку. Сегодня отлично ловится рыбка-бананка.

-- А я их не увижу, -- сказала девочка.

-- Вполне понятно. Это очень странные рыбки. Очень странные. -- Он толкал матрасик вперед. Вода еще не дошла ему до груди. -- И жизнь у них грустная, -- сказал он. -- Знаешь, что они делают, Сибиллочка?

Девочка покачала головой.

-- Понимаешь, они заплывают в пещеру, а там -- куча бананов. Посмотреть на них, когда они туда заплывают, -- рыбы как рыбы. Но там они ведут себя просто по-свински. Одна такая рыбка-бананка заплывла в банановую пещеру и съела там семьдесят восемь бананов. -- Он подтолкнул плотик с пассажиркой еще ближе к горизонту. -- И конечно, они от этого так раздуваются, что им никак не выплыть из пещеры. В двери не пролезают.

-- Дальше не надо, -- сказала Сибилла. -- А после что?

-- Когда после? О чем ты?

-- О рыбах-бананках.

-- Ах, ты хочешь сказать -- после того как они так наедаются бананов, что не могут выбраться из банановой пещеры?

-- Да, сказала девочка.

-- Грустно мне об этом говорить, Сибиллочка. Умирают они.

-- Почему -- спросила Сибилла.

-- Заболевают банановой лихорадкой. Страшная болезнь.

-- Смотри, волна идет, -- сказала Сибилла с тревогой.

-- Давай ее не замечать, -- сказал он, -- давай презирать ее. Мы с тобой гордецы. -- Он взял в руки Сибиллины щиколотки и нажал вниз. Плотик подняло на гребень волны. Вода залила светлые волосики Сибиллы, но в ее визге слышался только восторг.

With her hand, when the float was level again, she wiped away a flat, wet band of hair from her eyes, and reported,

"I just saw one."

"Saw what, my love?"

"A bananafish."

"My God, no!" said the young man. "Did he have any bananas in his mouth?"

"Yes," said Sybil. "Six."

The young man suddenly picked up one of Sybil's wet feet, which were drooping over the end of the float, and kissed the arch.

"Hey!" said the owner of the foot, turning around.

"Hey, yourself! We're going in now. You had enough?"

"No!"

"Sorry," he said, and pushed the float toward shore until Sybil got off it. He carried it the rest of the way.

"Goodbye," said Sybil, and ran without regret in the direction of the hotel.

The young man put on his robe, closed the lapels tight, and jammed his towel into his pocket. He picked up the slimy wet, cumbersome float and put it under his arm. He plodded alone through the soft, hot sand toward the hotel.

On the sub-main floor of the hotel, which the management directed bathers to use, a woman with zinc salve on her nose got into the elevator with the young man.

"I see you're looking at my feet," he said to her when the car was in motion.

"I beg your pardon?" said the woman.

"I said I see you're looking at my feet."

"I beg your pardon. I happened to be looking at the floor," said the woman, and faced the doors of the car.

"If you want to look at my feet, say so," said the young man. "But don't be a God-damned sneak about it."

"Let me out here, please," the woman said quickly to the girl operating the car.

The car doors opened and the woman got out without looking back.

"I have two normal feet and I can't see the slightest God-damned reason why anybody should stare at them," said the young man. "Five, please." He took his room key out of his robe pocket.

He got off at the fifth floor, walked down the hall, and let himself into 507. The room smelled of new calfskin luggage and nail-lacquer remover.

He glanced at the girl lying asleep on one of the twin beds. Then he went over to one of the pieces of luggage, opened it, and from under a pile of shorts and undershirts he took out an Ortgies calibre 7.65 automatic. He released the magazine, looked at it, then reinserted it. He cocked the piece. Then he went over and sat down on the unoccupied twin bed, looked at the girl, aimed the pistol, and fired a bullet through his right temple.

Когда плотик выпрямился, она отвела со лба прилипшую мокрую прядку и заявила:

-- А я ее видела!

-- Кого, радость моя?

-- Рыбку-бананку.

-- Не может быть! -- сказал ее спутник. -- А у нее были во рту бананы?

-- Да, -- сказала Сибилла. -- Шесть.

Юноша вдруг схватил мокрую ножку Сибиллы -- она свесила ее с плотика -- и поцеловал пятку.

-- Фу! -- сказала она.

-- Сама ты "фу!" Поехали назад! Хватит с тебя?

-- Нет!

-- Жаль, жаль! -- сказал он и подтолкнул плотик к берегу, где Сибилла спрыгнула на песок. Он взял матрасик подмышку и понес на берег.

-- Прощай! -- крикнула Сибилла и без малейшего сожаления побежала к гостинице.

Молодой человек надел халат, плотнее запахнул отвороты и сунул полотенце в карман. Он поднял мокрый, скользкий, неудобный матрасик и взял его под мышку. Потом пошел один по горячему, мягкому песку к гостинице.

В подвальном этаже -- дирекция отеля просила купальщиков подниматься вверх только оттуда -- какая-то женщина с намазанным цинковой мазью носом вошла в лифт вместе с молодым человеком.

-- Я вижу, вы смотрите на мои ноги, -- сказал он, когда лифт подымался.

-- Простите, не расслышала, -- сказала женщина.

-- Я сказал: вижу, вы смотрите на мои ноги.

-- Простите, но я смотрела на пол! -- сказала женщина и отвернулась к дверцам лифта.

-- Хотите посмотреть мне на ноги, так и говорите, -- сказал молодой человек. -- Зачем это вечное притворство, черт возьми?

-- Выпустите меня, пожалуйста! -- торопливо сказала женщина лифтерше.

Дверцы открылись, и женщина вышла не оглядываясь.

-- Ноги у меня совершенно нормальные, не вижу никакой причины, чтобы так на них глазеть, -- сказал молодой человек.

-- Пятый, пожалуйста. -- И он вынул ключ от номера из кармана халата.

Выйдя на пятом этаже, он прошел по коридору и открыл своим ключом двери 507-го номера. Там пахло новыми кожаными чемоданами и лаком для ногтей.

Он посмотрел на молодую женщину -- та спала на одной из кроватей. Он подошел к своему чемодану, открыл его и достал из-под груды рубашек и трусов трофейный пистолет. Он достал обойму, посмотрел на нее, потом вложил обратно. Он взвел курок. Потом подошел к пустой кровати, сел, посмотрел на молодую женщину, поднял пистолет и пустил себе пулю в правый висок.

Перевод: Рита Райт-Ковалева.

Параллельный текст: А.Эджумян, С.Бразгун.